

— Ты кто такая?

— Я? Я... я Цяо Цзиньшэн.

Цяо Цзиньшэн.

Цяо Мань про себя повторила имя девочки, стоявшей перед ней, и её узкие, словно у феникса, глаза слегка прищурились.

Ей самой едва исполнилось пятнадцать — возраст совершеннолетия, — а к ней уже вереницей потянулись сваты. Возможно, все эти годы мать отказывала им, ссылаясь на то, что дочь еще слишком мала? И если за пределами дворца это еще можно было терпеть, то на банкетах, глядя на толпу красавиц из гарема дядюшки-императора, она уже не могла просто так заявить, что не желает выходить замуж.

Пришлось сослаться на недомогание и уйти, чтобы немного развеяться. Сама не зная как, она забрела в этот отдаленный уголок.

Замужество... что в нем хорошего? Разве не куда интереснее блистать в высшем свете и при дворе, подобно её матери?

Цяо Мань обвела взглядом окрестности: всё вокруг было серым и унылым, поистине жалкое зрелище. Она вспомнила двух евнухов, которых видела у входа во дворец. Должно быть, они жаловались на то, что их сослали в это место, напоминающее холодный дворец, где живет забытая всеми принцесса, от которой даже на чай не дождешься.

Стоило ей бросить им золотую серьгу, как путь к Девятой принцессе был открыт.

Точно, это была Девятая принцесса, единственная дочь покойной наложницы Жун.

Кажется, несколько лет назад наложницу Жун лишили титула за злобу и недовольство, а сама она скончалась при родах, так и не дождавшись перед смертью аудиенции с императором.

Цяо Мань припомнила, что дворец называется Чунхуа.

Жалкое зрелище.

Цяо Мань лишь усмехнулась. Девочка — кровь императорского рода, а её ни во что не ставят даже мелкие евнухи. В то же время сама Цяо Мань, хоть и не была вписана в официальную родословную, пользовалась всеобщим почтением, и каждый называл её не иначе как Цзюньчжу.

А всё потому, что Чжангунчжу Дуаньян была любимой дочерью покойного императора.

А всё потому, что дядюшка-император был слаб здоровьем, и мать, будучи женщиной, сумела достичь положения, при котором она стояла лишь на одну ступень ниже императора.

— Сколько тебе лет? — спросила Цяо Мань.

Девочка со страхом посмотрела на нее; на фоне заостренного подбородка ее глаза казались огромными. Лишь спустя долгое время она тихо ответила:

— Двенадцать.

Цяо Мань внезапно почувствовала, что ведет себя как обидчица.

Двенадцать лет... всего лишь двенадцать.

Наступило долгое молчание. Цяо Цзиньшэн послушно стояла на месте, не шелохнувшись, лишь опустив голову и разглядывая ковер, цвет которого уже невозможно было разобрать. Ее пальцы нервно переплетались за спиной.

Она давно не видела чужих людей.

Вернее, с самого рождения она видела лишь тех немногих, кто был рядом. А со временем их становилось всё меньше. Теперь остались только два евнуха, охранявшие дворец, которые изредка перекидывались с ней парой слов, когда приносили еду.

Она и подумать не могла, что в день ее рождения появится такая прекрасная старшая сестра.

Стоя друг напротив друга, Цяо Мань быстро потеряла интерес к Девятой принцессе. Ни влияния, ни поддержки, даже внешность самая заурядная — разговор с такой девчонкой годился лишь для того, чтобы скоротать время. Она и так отсутствовала слишком долго, и если мать спросит, придется придумать достойное оправдание.

— Я ухожу, — она отряхнула рукава. — Если кто спросит, не говори, что я здесь была.

— Эй... — Цяо Цзиньшэн прикусила губу. Она долго колебалась, и лишь когда прекрасная гостья уже дошла до порога, робко спросила: — Сестрица, ты ведь небожительница, правда? Я никому не скажу, честное слово.

Когда слова стихли, двенадцатилетняя девочка снова опустила голову.

Она очень боялась, что прекрасная сестра исчезнет, как и все остальные до нее.

Разве тогда ее день рождения не превратится снова в одинокое ожидание?

Цяо Мань остановилась, обернулась и посмотрела на жалкую маленькую кузину. В ней вдруг проснулся интерес. Она улыбнулась и мягко произнесла:

— Правда никому не расскажешь?

Цяо Цзиньшэн кивнула. В глазах Цяо Мань она словно стала еще меньше, такая пугливая... и ведь никто ее здесь не обижал, так почему она такая?

Подумав, Цяо Мань решила, что это, должно быть, привычка, выработанная годами пренебрежения.

В душе Цяо Мань что-то дрогнуло. У них в резиденции как раз не хватало подруги для игр, так почему бы не попросить дядюшку-императора отдать ее ей? Она давно хотела найти себе компанию, но все девушки из знатных семей были уже просватаны. А Девятая принцесса — пусть даже из холодного дворца — имела императорскую кровь, что вполне подходило. Дядюшка-император вряд ли откажет. К тому же Цяо Цзиньшэн еще мала, и годы, проведенные рядом, не помешают ей, а напротив, помогут укрепить положение.

Как ни посмотри, одни плюсы.

Придя к такому выводу, Цяо Мань улыбнулась еще ярче. Ее изысканный макияж делал ее похожей на распустившийся цветок лотоса.

— Цзиньшэн, тебе здесь нравится?

Цяо Цзиньшэн моргнула, не понимая, что имеет в виду небожительница. Но раз она небожительница, то если сказать правду, ее ведь... не накажут?

Цяо Мань постаралась сделать голос как можно мягче:

— Хочешь отправиться со мной в другое место? Там гораздо лучше, есть добрые служанки и очень вкусные сладости. Хочешь?

Мать наверняка не откажет, если она попросит — а она просит редко.

Осталось только убедить Девятую принцессу.

Цяо Цзиньшэн продолжала хлопать глазами, и лишь спустя долгое время прошептала:

— Сестрица, я ведь сплю, правда?

— Ну что ты, подойди ближе, — Цяо Мань с улыбкой наблюдала, как девочка робко приближается. Она вытащила из волос золотую заколку с фениксом и вложила ей в руку, продолжая соблазнять: — Это знак. Давай, дай мне руку, я заберу тебя отсюда.

— Знак... — Цяо Цзиньшэн заворуженно смотрела на заколку в своих руках. От ее теплого блеска и изящных линий у девочки защипало в глазах, и в голосе слышались рыдания. — Сестрица, я пойду с тобой.

Вытерев слезы, Цяо Цзиньшэн, подражая небожительнице, приколотла заколку к волосам и решительно взяла ее за руку. Это не сон, точно не сон!

Она не знала, что выглядит немного нелепо. Цяо Мань хоть и было смешно, она не подала виду и повела девочку прочь из дворца.

Разве это принцесса?

Цяо Мань поморщилась, ощутив под пальцами, как кожа девочки едва прикрывает кости — Девятая принцесса была до крайности истощена.

Хорошо хоть из-за того, что она редко видела солнце, кожа у нее была очень белой.

Цяо Мань вскинула подбородок, обращаясь к остолбеневшим евнухам:

— Я забираю ее. Обо всем остальном я сама поговорю с дядюшкой-императором.

Евнухи никогда не видели такой властности и никак не ожидали, что меньше чем за палочку благовоний их... госпожу просто уведут.

— Цзюньчжу... — заикаясь, начали они, но она уже была далеко.

Солнце клонилось к закату. Цяо Цзиньшэн с недоумением смотрела на небожительницу рядом и открыла рот, чтобы что-то спросить. Цяо Мань, заметив это, мягко произнесла:

— Ты ведь слышала. Если посчитать, я твоя двоюродная сестра. Знаешь Чжангунчжу Дуаньян? Это моя мать.

Цяо Цзиньшэн задумалась и покачала головой.

Цяо Мань остановилась, и в ее голосе зазвучала небывалая серьезность:

— Девятая принцесса, меня зовут Цяо Мань. Я унаследовала титул матери, поэтому я Цзюньчжу Дуаньян. Я заберу тебя в резиденцию матери, и с этого дня... возможно, ты больше никогда не вернешься в это место. По крайней мере, в этот дворец Чунхуа — точно.

Цяо Цзиньшэн молчала. Лишь когда Цяо Мань закончила говорить, она обернулась и посмотрела на Чунхуа, залитый закатным светом. Огромное здание все еще хранило тени былого величия, но давно начало разрушаться день ото дня.

Это было место, где она прожила двенадцать лет.

Но впервые она почувствовала здесь тепло именно благодаря этой сестре.

— Сестрица Мань... — прошептала Цяо Цзиньшэн. — Спасибо тебе.

<http://bllate.org/book/20769/2083945>